

18+ Владимир Органов

как ФЫ
ФУШКИН...

Владимир Органов

Как бы Пушкин...

<https://litres.ru/74249273>

ISBN 9785007049191

Аннотация

Как бы очень... скандально.

Как бы очень... навязчиво.

Как бы... мистификация.

Но возможно искусственному читателю интересно увидеть в формате онегинских строф что-то такое безумно... свободное.

Содержание

...некие первые пояснения	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Как бы Пушкин...

Владимир Органов

Иллюстратор AI Org_Buro

Дизайнер обложки Org_Buro

© Владимир Органов, 2026

© AI Org_Buro, иллюстрации, 2026

© Org_Buro, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-4919-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

...некие первые пояснения

Это моё начало нетерпеливому читателю я советую пропустить и сразу погрузится в стихотворный ряд, и если что, то потом можно будет вернуться сюда и пробежаться немного по тексту, собственно немного проясняющего, надеюсь, уже прочитанное ниже.

Представьте себе Петроград уже после прошедших революций, кажется всё замерло, особенно литературная жизнь, но что-то всё же происходит. Редакция небольшого альманаха, где основными авторами считались футуристы, «бубновые валеты» и прочая новомодная публика, появившиеся в среде искусства на гребне преобразований и строительства нового общества, находилась в небольшом полуподвале на Литейном. Станным образом в виду всеобщей неорганизованности особенно бывшего почтового ведомства, она получила конверт с неким содержимым, среди которых было письмо напечатанного на пишущей машинке.

«Предлагаю вниманию Ваших читателей, еще не утративших способности удивляться, копию листов, обнаруженных при разборе бумаг моего покойного родственника, имя которого, я намеренно не сообщаю, поскольку на то не было получено разрешения от одного. Родственник уве-

рял, что данные листы были когда-то найдены в брошенной квартире во времена смутного периода в нашем городе, чуть были не брошены на розжиг печи, но всё же были прочитаны и оставлены в почти в полной целостности. Я не берусь судить об их истинном происхождении, а хранить у себя более просто не желаю».

Помимо письма (редакция решила исправить дореформенный стиль написания, чтобы не возникали трудности с прочтением у современного читателя) в конверте находились светокопии некоего рукописного текста, масштаб текста был немного изменен, но вполне ясно были различимы слова переданные прибором, явно не предназначавшимся для подобного, скорее для чертежей и схем по строительным и инженерным спецификациям. Отсюда можно было сделать вывод и провести следствие, кто всё же осмелился на подобный шаг. Но редакция не располагала ни средствами, ни возможностями найти этого анонима.

Редакция, привыкшая к эксцентрическим поступкам любителей словесности, сперва отнеслась к находке с насмешливым равнодушием. Один из сотрудников позднее вспоминал, что вскрытый конверт с приколотыми листами несколько дней просто пролежали под стопкой давних версток в уголке, по совпадению рядом с буржуйкой и вечно кипящим чайником, чем чуть было не испортились окончательно, пока случайно не были замечены приглашенным филологом, за-

шедшим по иному своему делу. Именно он первым обратил внимание на неожиданную подробность: почерк на светополосах не походил на обычные поздние стилизации под пушкинскую скоропись. В нем не было старательной музейности, той абсолютной манеры подделывателей, которые слишком усердно изображают начало XIX века. Напротив, буквы местами были небрежны, строки сбивались, рифмы исправлялись поверх написанного, как если бы текст создавался для работы, а не для вымышленной мистификации. Да он не отрицал возможный искусный обман. «Найденная глава». Хотя речь шла не о завершённой главе в строгом смысле слова, а скорее о варианте продолжения известной второй главы Евгения Онегина А. С. Пушкина, но в довольно странном направлении и явно не подлежащей печати ни в каком виде.

Да, был вариант с посвящением возможно для другой главы, довольно дерзким по тону и совершенно не соответствующим школьному представлению о благообразном классике. В январе следующего года копии были переданы для предварительного ознакомления нескольким лицам, у которых была соответствующая специальность и компетентность исследовать подлинность или хотя бы дать возможность определить некое правдоподобие авторства. Двое отказались высказываться вовсе, заметив, что участие в подобных историях редко приносит пользу их репутации. Третий ответил коротко: «Слишком умно для подделки и слишком странно для подлинника». Эта фраза затем многократно цитирова-

лась, хотя сам автор ее просил не упоминать имени. Вскоре, как это почти всегда бывает, история покинула кабинетную тишину и вышла в пространство любопытства публики и в переписываемые списки. Появились споры

Затем уверенные заявления людей, не державших даже копий в руках. Одни немедленно признали текст сенсацией столетия. Другие столь же поспешно объявили его просто поздней мистификацией, вероятно созданной в конце прошлого века кем-либо из образованных литераторов с насмешливым нравом. Надо признать, поводы для сомнений имелись с самого начала. Прежде всего отсутствовал оригинал. Не менее подозрительным выглядела и сама легенда о «родственнике», слишком удобная, слишком театрально туманная. Именно так придумывают «правдивые истории».

Некоторые обороты стиха, особенности сокращений, странные пунктуационные прихоти, даже характер нескольких исправлений совпадали с тем, что трудно подделывать без долгого и неблагодарного погружения в рукописный материал эпохи. Один из исследователей заметил, что автор фрагмента либо обладал редким знанием ремесла пушкинской черновой работы, либо сам принадлежал к этой работе непосредственным образом. Сказано было осторожно, почти сквозь зубы. Наибольшее смущение вызвало посвящение. Его переписывали отдельно, пересылали знакомым, цитировали с усмешкой и раздражением. Кто-то видел в нем кощунство, кто-то блестящую пародию, кто-то слишком мод-

ную интонацию. Между тем именно подобная смесь легкости, колкости и холодной насмешки над читателем заставила некоторых филологов насторожиться сильнее, чем любые внешние признаки. Потому что подделать почерк легче, чем темперамент. До большой войны копии были всё же направлены в Пушкинский Дом для неофициального ознакомления.

Ответ состоял лишь из перечня сомнений, несколько осторожных наблюдений и одна фраза, написанная, по словам очевидцев, карандашом на полях: «Текст следует рассматривать как литературный факт вне зависимости от вопроса его происхождения». Эта формула, пожалуй, и определила дальнейшую судьбу находки.

Она перестала быть просто курьезом. Перед читателем, который имел доступ, смог достать и прочесть каким-то образом возник скорее не документ и не подделка, а вещь куда более беспокойная: текст, который требует суда, но не дает суду достаточных доказательств.

В конце концов вся история была сложена в отдельную папку, пронумерована в описи и сдана в архив. Как строфы просачивались в открытый мир остается загадкой. Спустя довольно долгий срок папка обнаружена с приложением некоторые дополнительных писем и записок из разных времен.

Некий ответ весьма почитаемого академического института

«Уважаемый редактор!

Рассмотрев направленные Вами светокопии рукописного текста, сообщаем, что представленные материалы не дают достаточных оснований для их атрибуции поэту А. Пушкину.

Отсутствие оригинала документа исключает возможность полноценного палеографического, текстологического и материального исследования. Имеющиеся стилистические совпадения сами по себе доказательством авторства служить не могут.

Сообщаем, что оснований считать приложенный текст произведением поэта Александра Пушкина не имеется. Дополнительных комментариев дать не можем.

Ввиду изложенного Институт не располагает возможностью поддержать распространённые в печати предположения о подлинности указанного фрагмента.

С уважением, по поручению дирекции...»

Служебная записка (не для публикации)

Представленный текст, именуемый «найденной главой», производит впечатление сочинения искусного и неровного. Автор несомненно знаком с пушкинским стихом не по школьной памяти, а по ремесленной близости: ощущает строфу, умеет вести октаву, знает прием внезапного ав-

торского отступления, свободно пользуется переходом от повествования к ироническому саморазоблачению рассказчика.

Вместе с тем подлинность текста представляется крайне сомнительной.

Прежде всего настораживает тематическая навязчивость. Там, где у Пушкина предмет едва намечен, здесь он развернут с подчеркнутым постоянством, почти программно. Автор не столько ведет роман, сколько преследует одну идею, возвращаясь к ней вновь и вновь. Для Пушкина характерна легкость касания; для данного текста характерно упорство.

Второе. Наблюдаются удачные интонационные попадания. Отдельные строфы звучат почти убедительно, особенно там, где повествователь насмешлив над собой, ленив, капризен и склонен спорить с читателем. Но рядом встречаются обороты тяжеловесные, риторически прямые, иногда почти публицистические. Подлинный поэт скрывает мысль в воздухе стиха; здесь мысль нередко идет строем.

Третье. Автор обнаруживает знание не только Пушкина, но и позднейшей традиции его чтения. Некоторые места словно написаны человеком, уже знакомым с тем, как Пушкина будут комментировать спустя век. Это производит впечатление ретроспективной осведомленности.

Четвертое. В тексте заметна современная психологическая установка на освобождение частного чувства от об-

существенной нормы. Для первой трети XIX века подобный угол зрения возможен лишь отчасти; здесь же он становится почти системой.

И все же рукопись нельзя признать пустой мистификацией. Перед нами сочинение одаренного автора, сумевшего понять одно существенное свойство пушкинской манеры: способность говорить легким голосом о вещах опасных.

Итоговое мнение: не Пушкин. Но автор умен, начитан и талантлив настолько, чтобы раздражать специалистов.

Фрагмент внутреннего разбора (черновые заметки)

Строфа XXVII заслуживает отдельного внимания как пример стилистической двойственности текста.

«Когда б не жгли бы нас запреты

Что выданы не знама кем...»

Начало строфы построено на характерной для пушкинского стиха разговорной интонации с легким синтаксическим сдвигом («когда б не жгли бы»), создающим ощущение спонтанности. Подобные удвоения у Пушкина встречаются, но, как правило, они либо строго мотивированы ритмически, либо сглажены последующим течением строки. Здесь же возникает впечатление нарочитости — автор как будто воспроизводит прием, но не до конца доверяет ему, усиливая конструкцию сверх меры.

Далее:

*«Природа многим нас лишила
В одеждой сразу не снабдила»*

Вторая строка вызывает сомнение. Сбивка управления («в одеждой») может быть прочитана либо как небрежность, либо как попытка имитации чернового письма. Однако подобные ошибки у Пушкина крайне редки и почти всегда исправляются им самим. Оставление их в «чистовом» тексте требует объяснения.

Смысловый центр строфы — противопоставление естественного состояния и культурной надстройки:

*«Вползли мы сами под тряпье
Под шкуры, кожи. Не своё»*

Здесь наблюдается интересный момент. Глагол «вползли» стилистически снижен и даже грубоват для пушкинского повествования, особенно в контексте философского обобщения. Он вносит оттенок почти сатирический, что сближает текст скорее с поздней традицией интерпретации природы как утраченного рая, чем с пушкинской легкой иронией.

Финальные строки:

*«Что у животных нет одежд
Как у двуногих, нас невежд»*

Рифма «одежд — невежд» формально допустима и даже остроумна, однако в ней чувствуется желание эффектного завершения строфы. У Пушкина подобные замыкания обычно менее демонстративны; эффект достигается не ударом, а полутонем.

Общий вывод по строфе: автор владеет техникой, но периодически демонстрирует её слишком явно. В результате возникает странное ощущение — стих звучит «почти правильно», но временами как будто объясняет сам себя.

Из частного дневника (без указания уважаемого имени)

Случай привёл меня на одно из собраний общества, именующего себя «Долой стыд». Шёл без особого доверия к подобным собраниям, скорее из желания понять их убеждения. Меня заинтриговала их листовка, которую мне всунули в трамвае на 5 маршруте, некие голые люди.

«Товарищи!

Сколько ещё мы будем таскать на себе этот ветхий груз — не только старых порядков, но и старых обносок? Сколько ещё тело человека будет считаться чем-то постыдным, требующим раболепства, будто в нём заключено преступление?

Мы сбросили цепи капитала, мы освободили труд и быт, без господ, без попов, без прежнего страха. Так неужели же оставим за собой последний оплот мещанской лжи — одежду, как знак подчинения, как привычку скрываться от

самих себя?

Движение «Долой стыд!» утверждает: человек не должен стыдиться ни своего стремления к свободе духа, ни тела своего. Природа не знает покрывал, их придумали те, кому было выгодно внушить страх и послушание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.